

Д.А. Усов

**LIBERTAS В ТРАКТОВКЕ ОВИДИЯ:
СВОБОДА ИЛИ СВОЕВОЛИЕ?**

D.A. Usov

**LIBERTAS AS INTERPRETED BY OVID:
FREEDOM OR WILLFULNESS?**

Аннотация. В статье на основе анализа трактовки категории «свобода» (*libertas*) у Овидия рассматривается его восприятие политического режима Августа. Целью исследования является определение ключевых значений данного понятия через подробное рассмотрение контекста его употребления, а также выявление особенностей его семантических отношений с терминами «своеволие» (*licentia*), «закон» (*lex*), «право» (*ius*), «стыд» (*pudor*) и «страх» (*metus, timor*). В эпоху Республики *lex* и *ius* считались гарантом политической *libertas*, предохраняющими ее от вырождения в свою крайнюю форму — *licentia*. Последняя понималась как один из признаков деградации политической системы и предпосылка установления рабства и тирании, господства страха, насилия, разврата и несправедливости. Эти представления нашли отражение в поэзии Вергилия и Горация, увидевших в Августе защитника от подобных бедствий. Незнакомый с тяготами гражданских войн, их младший современник Овидий был носителем других ценностей, резко антагонистичных республиканской морали и многим положениям официальной идеологии принципата Августа. Имплицитно сформулированный им концепт свободы, помимо прочего, имел вполне определенное политическое содержание, ориентировавшее молодое поколение римлян на сопротивление конкретным аспектам системы принципата. Исследование показало, что термин “*libertas*” в трудах поэта семантически близок к понятию “*licentia*”. При этом в большинстве рассмотренных случаев данная категория имеет положительную коннотацию и означает возможность реализации любовных страстей, а также право высказывать в частной жизни непристойные мысли. Касаясь темы свободы, Овидий выразил недовольство сугубо республиканскими чертами правления Августа. Законы (*leges*) и нормы (*iura*) режима принципата, воплотившие в себе строгие моральные императивы эпохи Республики, на взгляд поэта, не только не служили га-

Усов Дмитрий Андреевич, аспирант кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ.

Usov Dmitry Andreevich, Postgraduate Student, Department of History of Ancient World, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities

+7-905-633-01-26; usovda1996@gmail.com

рантом свободы, но, провоцируя стыд (*pudor*) и страх (*metus, timor*), сурово ее подавляли и тем самым препятствовали реализации важнейшей для элегика ценности — личного счастья (*felicitas*).

Ключевые слова: античный Рим, принципат Августа, римская поэзия, элегии, Овидий, политический подтекст.

Abstract. The article examines Ovid's evaluation of Augustus' political regime on the basis of the analysis of his interpretation of *libertas*. The aim of the research is to determine the key meanings of this concept through a detailed examination of the context of its use and to reveal the peculiarities of its semantic relations with the terms "licentia", "lex", "ius", "pudor" and "metus" or "timor". In the Republic era *lex* and *ius* were considered to guarantee political *libertas* and to prevent it from degenerating into its extreme form, *licentia*. The latter was understood as one of the signs of a degrading political system and a prerequisite for the establishment of slavery and tyranny, the reign of fear, violence, depravity and injustice. These ideas were reflected in the poetry of Virgil and Horace who saw Augustus as a protector against such disasters. Unfamiliar with the hardships of civil wars, their younger contemporary Ovid was a bearer of different values, sharply antagonistic to republican morality and many elements of the official ideology of Augustus' principate. The concept of liberty he had implicitly formulated had a very definite political content and oriented the young generation of Romans towards resistance to specific aspects of the system of principate. The study has shown that the term "libertas" in Ovid's writings is semantically close to the concept of *licentia*. In most of the cases studied, however, this category has positive connotations and means the possibility of love passion unleashing and the right to express obscene thoughts in private life. As far as freedom is concerned, Ovid demonstrates his dissatisfaction with the strictly republican features of Augustus' rule. *Leges* and *iura* of the principate regime, which embodied the strict moral imperatives of the Republic era, not only did not guarantee freedom, but by provoking shame (*pudor*) and fear (*metus, timor*) severely suppressed it. Thus, they prevented achieving the most important value for Ovid — personal happiness (*felicitas*).

Keywords: ancient Rome, Augustus' principate, Roman poetry, elegies, Ovid, political dimension.

* * *

Овидий был выходцем из старинного всаднического рода из города Сульмона, однако политической карьере он предпочел занятие литературным творчеством. В трудах историков прославленный певец повседневных безделиц обычно выступает ярким представителем новой эпохи, выразившим противоречившие идеологии принципата гедонистические ценности столичной молодежи. Несомненно, произведений Овидия духу официозной морали послужило одной из возможных причин ссылки литератора на западный берег Понта Эвксинского — в «варварские» Томы. В связи с этим ученые неоднократно поднимали вопрос о его политических воззре-

ниях, являвшихся, в свою очередь, важным показателем состояния политического сознания римского общества эпохи институционализации единоличной власти. Данное исследование посвящено определению оценки режима Августа Овидием через выявление специфики его понимания свободы.

Подавляющее большинство ученых XIX — первой половины XX в., включая отечественного историка Э.Д. Гримма¹, полагали, что Овидий был раболепным панегиристом, угодливым льстецом и верным сторонником императора Августа². Ранние произведения элегика в этот период редко привлекались исследователями как источник для изучения его политических взглядов³: считалось, что легкомысленный любимец муз в действительности был не слишком обеспокоен проблемами публичной жизни. При этом его поздние труды, «Метаморфозы» и в большей степени «Фасты», понимались как часть «официальной пропаганды» Августова режима⁴.

Отечественный ученый М.М. Покровский одним из первых в мировой науке попытался преодолеть подобные представления об Овидии и в 1907 г. предложил новое прочтение политической составляющей его произведений⁵. Обнаружив у поэта множество пассажей, пародирующих язык закона против прелюбодеяний (*Lex Iulia de adulteriis coercendis*), а также высмеивающих его содержание, ученый пришел к выводу, что Овидий не только не был совершенно аполитичным певцом беззаботной любви, как это было принято думать, но приходился опасным противником самому Августу.

Однако идея об оппозиционности элегика не получила существенного развития в мировом антиковедении первой половины XX в. Британский историк Р. Сайм отмечал, что в политическом отношении Овидий был абсолютно безобиден: к теме незаконной любви он обращался исключительно ради забавы — без умысла бросить вызов императору и заявить о себе как противнике официальных ценностей.

¹ Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I. СПб., 1901. С. 356–357.

² См.: Вулик Н.А. Поэтика без поэзии (к опыту построения поэтики «Тристей») // Вопросы литературы. 1985. № 7. С. 191.

³ Davis P.J. Ovid's Amores: A Political Reading // *Classical Philology*. 1999. Vol. 94. N 4. P. 431 (esp. not. 1).

⁴ Например, см.: Allen K. The Fasti of Ovid and the Augustan Propaganda // *The American Journal of Philology*. 1922. Vol. 43. N 3. P. 250–251. Подход к анализу «Метаморфоз» в контексте идеологии режима принципата был подвергнут основательной критике со стороны К. Галински: Galinsky K. Ovid's Metamorphoses and Augustan Cultural Thematics // *Ovidian Transformations: Essays on Ovid's Metamorphoses and Its Reception* / Ed. by Ph. R. Hardie, A. Barchiesi, S. Inds. Cambridge, 1999. P. 103.

⁵ Покровский М.М. Очерки по римской истории и литературе. СПб., 1907. С. 3, 58–69.

Поэт был повинен лишь в том, что отказался служить государству и восхвалять римское прошлое; он был позором Рима, на который принцепс не смог закрыть глаза в силу своей мстительности⁶.

Решающую роль в переосмыслении политических взглядов Овидия, судя по всему, сыграла сложившаяся во второй половине XX в. так называемая «пессимистическая гарвардская школа» изучения «Энеиды» Вергилия⁷. Важное место в ее формировании заняла «теория двух голосов», предложенная в 1963 г. А. Парри. Согласно этой теории, Вергилий воспевал достижения Рима лишь формально, тогда как его собственный голос выражал неподдельную тоску по человеческой свободе, любви, личной преданности, безвозвратно утерянным на службе безликому государству⁸.

По словам М.В. Шумилина, «“гарвардская” модель оказалась легко применима и к другим авторам, и поиск скрытых диссидентских сообщений в римских поэтических текстах стал доминирующей тенденцией латинистики»⁹. За несколько лет, прошедших с момента публикации программной статьи А. Парри, представление об Овидии как стороннике власти Августа заметно утратило свою популярность. Ученые, стремясь доказать глубинное неприятие поэтом режима принципата, сосредоточились на поиске свидетельств, которые можно было бы интерпретировать в анти-августовском ключе (при этом исследователи по-разному отвечают на вопрос о том, можно ли считать позицию Овидия политической)¹⁰.

⁶ *Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 467–468.

⁷ Об исторических, политических и культурных предпосылках появления данной школы достаточно подробно писал Э.А. Шмидт: *Schmidt E.A.* The Meaning of Vergil's "Aeneid": American and German Approaches // *The Classical World*. 2001. Vol. 94. N 2. P. 154–163. О влиянии на ее формирование Р. Сайма см.: *Шумилин М.В.* Политический контекст римской поэзии // *Шаги / Steps*. 2015. № 1. С. 214–215; *Галински К.* Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок // *Шаги / Steps*. 2017. № 4. С. 153.

⁸ *Parry A.* The Two Voices of Virgil's "Aeneid" // *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*. 1963. Vol. 2. N 4. P. 78–79.

⁹ *Шумилин М.В.* Указ. соч. С. 215.

¹⁰ Например, см.: *Otis B.* Ovid as an Epic Poet. Cambridge, 1966. P. 2, 271, 308, 338–339; *Вулих Н.В.* Овидий и Август // *Вестник древней истории*. 1968. № 1. С. 157–158, 160; *Segal Ch.* P. Myth and Philosophy in the Metamorphoses: Ovid's Augustanism and the Augustan Conclusion of Book XV // *The American Journal of Philology*. 1969. Vol. 90. N 3. P. 258–269, 289; *Holleman A.W.J.* Ovid and Politics // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1971. Bd. 20. N 4. P. 458–466; *Moulton C.* Ovid as Anti-Augustan: "Met." 15.843–79 // *The Classical World*. 1973. Vol. 67. N 1. P. 4–7; *Braccesi L.* Livio e la tematica d'Alessandro in età augustea // *CISA*. 1976. N 4. P. 191–194; *Miller J.* Ovid and Augustan Apollo // *Hermathena*. 2004–2005. N 177–178. P. 167; *Casali S.* Other Voices in Ovid's "Aeneid" // *Oxford Readings in Classical Studies: Ovid / Ed. by Knox P.E.* Oxford, 2006. P. 146, 148, 156, 158–160; *Joseph T.A.* The Metamorphoses of "Tanta Moles": Ovid, Met. 15.765 and Tacitus, Ann. 1.11.1 // *Vergilius*. 2008. Vol. 54. P. 25, 28–29.

Некоторые ученые довольно скептически отнеслись к столь радикальному повороту в оценке отношения Овидия к власти Августа. Высказывались сомнения по поводу безусловного недовольства поэта системой принципата, критиковалась чрезмерная политизация его художественных произведений исследователями, и даже встречались попытки защитить «ортодоксальный» тезис об искренней поддержке элегиком императора¹¹. А. Баркьези высказал мысль о неадекватности обеих крайностей — не следует как принимать поэта за конформиста, так и разоблачать в нем убежденного оппозиционера. Ученый предостерегает от обращения к Овидию под строго политическим ракурсом, неумолимо обедняющим смысл его открытых для читателя произведений¹².

Принимая методологическую посылку, которую предложил А. Баркьези, рассмотрим проблему восприятия Овидием принципата Августа в контексте его понимания свободы (*libertas*)¹³. Трактовка свободы у Овидия имеет достаточно непродолжительную историю изучения. А. Баркьези¹⁴ и Д.Е. фон дер Остен¹⁵ затронули эту тему в рамках анализа отношения поэта к богине Свободы (*Libertas*) и ее атриуму (*Atrium Libertatis*), в котором Азиний Поллион основал первую в Риме публичную библиотеку (*Suet. Aug. 29. 5*). О. Смит показал, как в отдельных фрагментах «Метаморфоз» и «Тристий» Овидий эксплуатирует идею свободы и в результате стирает грань между понятиями “*libertas*” и “*licentia*” (своеволие)¹⁶. П.Дж. Дэвис сравнил имплицитно представленные в «Энеиде» и «Метаморфозах» концепты свободы слова, достаточно убедительно продемонстрировав

¹¹ *Du Quesnay I.M., Le M.* “The Amores” // *Ovid (Greek and Latin Studies: Classical Literature and its Influence)* / Ed. by J.W. Binns. London, 1973. P. 41; *Rudd N.* Lines of Enquiry: Studies in Latin Poetry. Cambridge; New York, 1976. P. 30; *Williams G.W.* Change and Decline: Roman Literature in the Early Empire. Berkeley, 1978. P. 63; *Гаспаров М.Л.* Овидий, или наука доброты // Поэт и поэзия. 2018. С. 319–320, 362–363; *Millar F.* Ovid and the Domus Augusta: Rome Seen from Tomoi // *The Journal of Roman Studies*. 1993. Vol. 83. P. 1; *Knox P.E.* Representing the Great Mother to Augustus // *Ovid's Fasti: Historical Readings at Its Bimillennium* / Ed. by G. Herbert-Brown. Oxford, 2002. P. 172; *Liveley G.* Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide. London; New York, 2011. P. 6; *Чернышов Ю.Г.* Древний Рим: мечта о золотом веке. М., 2013. С. 139–140.

¹² *Barchiesi A.* The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse. Berkeley; Los Angeles; London, 1997. P. 7, 44, 262.

¹³ О значениях понятия “*libertas*” в эпоху Поздней Республики и при правлении Августа см.: *Усов Д.А.* Liber и libertas в произведениях Горация // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. Т. 47. № 3. С. 473–475, 478.

¹⁴ *Barchiesi A.* Op. cit. P. 87–89.

¹⁵ *Von der Osten D.E.* The Cult of the Goddess “*Libertas*” in Rome and Its Reflection in Ovid's Poetry and Tibullan Love Elegy // *Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 37–40.

¹⁶ *Smith R.A.* Books in Search of a Library: Ovid's “Response” to Augustan “*Libertas*” // *Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 45–54.

принципиальную разницу между политическими воззрениями Вергилия и Овидия¹⁷.

Однако в этих работах рассмотрены лишь отдельные аспекты понимания *libertas* Овидием и при этом оставлены без внимания его ранние произведения, в которых отношение поэта к режиму Августа прослеживается наиболее рельефно. В данном исследовании будет проведен анализ категории «свобода/свободный» (*libertas/liber*) во всем комплексе работ Овидия. Главной целью является определение ключевых значений данного понятия и особенностей его семантических отношений с терминами «своеволие» (*licentia*), «закон» (*lex*), «право» (*ius*), «стыд» (*pudor*) и «страх» (*metus, timor*).

Отметим, что понятие “*libertas*” встречается у Овидия только 6 раз¹⁸, тогда как прилагательное “*liber*”, использованное автором в самых разнообразных смыслах, — 39 раз¹⁹. Важно подчеркнуть, что в связи с особенностями тематики овидиевых произведений эти термины употреблены литератором преимущественно на бытовом уровне. Однако это не значит, что за бытовым контекстом не мог скрываться политический подтекст. По словам Э.Р. Шаррок, любовь в Августовом Риме была политическим предметом; над сексуальными отношениями шутить было не принято²⁰. Конечно, к поиску политических коннотаций в бытовых сюжетах стоит подходить с осторожностью. Не всякий призыв к свободной любви следует автоматически считать осознанным политическим высказываем и тем более попыткой автора оскорбить самого принцепса. На наш взгляд, семантический анализ категории “*libertas*” в трудах Овидия может служить одним из наиболее подходящих инструментов поиска таких политических смыслов. Если трактовка “*libertas*” у поэта не вписывалась в рамки официальной идеологии и противоречила традиционным римским ценностям, вполне вероятно, что Овидий, касаясь этой темы, мог имплицитно сформулировать определенную стратегию приспособления к ограничивавшему его свободу режиму. Реконструкция этой стратегии способна углубить понимание причин негативного отношения элегика к определенным аспектам правления Августа.

¹⁷ Davis P.J. Freedom of Speech in Virgil and Ovid // *Wordplay and Powerplay in Latin Poetry* / Ed. by P. Mitsis, I. Ziogas. Berlin; Boston, 2016. P. 189–197.

¹⁸ *Am.* II. 2. 15–16; III. 15. 7–10; *Her.* XV. 67–68; XVII. 154; *Ars Am.* II. 289–290; *Met.* IX. 559.

¹⁹ *Am.* II. 2. 40–42; II. 7. 20–21; II. 9a. 20; *Her.* I. 80; VIII. 105–106; XX. 40; *Ars Am.* II. 589–590, 729–730; III. 604–606; *Rem. Am.* 385, 661–662; *Fast.* I. 51–52, 121–122; II. 673–674; III. 111–112, 771–772, 777–778; IV. 292–293, 623–624, 946; V. 331–332; *Met.* I. 42, 753–759; II. 143; IV. 337–338; V. 667; IX. 389; XIII. 465–469, 668–669; XV. 301, 853; *Pont.* I. 6. 32; II. 4. 17; III. 3. 22; *Tr.* IV. 2. 58–61; IV. 10. 27–28; V. 13. 3–4; *Ib.* 53.

²⁰ Sharrock A.R. Ovid and the Politics of Reading // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 1994. N 33. P. 101, 108, 116–117.

В самых ранних трудах Овидия, «Любовных элегиях» (14 г. до н.э.) и опубликованных вслед за ними «Героидах», *libertas* преподнесена как раскрепощение, сопряженное с реализацией нескромных желаний. В одной из элегий рассказчик просит стража, приставленного к супруге неразумным мужем (*vir non sapiens*), даровать госпоже тайную свободу (*furtiva libertas* — *Am. II. 2. 15*) для амурных утех с ее воздыхателями (*Am. II. 2. 1–24*). Елена отправляет Парису секретное послание (*Her. XVII. 265–266*), в котором настаивает на том, чтобы возлюбленный продолжал оказывать ей знаки внимания, но делал это скрытно (*Lude, sed occulte!* [Играй, но скрытно!] — *Her. XVII. 153*). Отбытие ее мужа Менелая наделило их большей (*maior*) — но не величайшей (*non maxima*) — свободой (*libertas*) для романтических удовольствий (*Her. XVII. 153–154*). Подчиниться постыдному желанию, преступить священный закон и изменить своему супругу Елене мешает стыд (*pudor* — *Her. XVII. 113–114*) и страх (*metus* — *Her. XVII. 184*). Помочь влюбленной избавиться от этих оков и стать счастливой (*felix* — *Her. XVII. 185–188*) способны ночь (*nox*), любовь (*amor*) и дар бога *Liber* — вино (*vinum*). По своей природе они противостоят всякому умеренному поведению (*moderabilis*): ночь освобождает от стесняющего стыда (*pudore vacat*), любовь и *Либера* — от страха (*metus* — *Am. I. 6. 59–60*). Как сказано в «Науке любви», *Либера* вдохновляет (*adiuvat*) влюбленных и поощряет их пламя/страсть (*flamma*), тем самым сжигая самого себя (*Ars Am. I. 525–526*).

Примечательно, как показала Д. Ковач, что изображение бога *Либера* в трудах Овидия приближено к образам культурных героев *Аристея* и *Прометея*, которые, по представлениям древних, сыграли ключевую роль в становлении цивилизации и выделении человечества из животного мира²¹. В связи с этим возникает соблазн полагать, что важнейшие для Овидия черты цивилизованного мира — хорошие манеры и обходительность (*cultura*), пришедшие на смену грубости (*rusticitas* — *Ars. Am. III. 121–128*), были теснейшим образом связаны с реализацией человеческой свободы.

Понимание *libertas* Овидием как возможности изменять законному супругу семантически сближало ее с категорией “*licentia*”, обозначающей в традиционалистском дискурсе своеволие, дерзость, разнузданность, произвол. Важно, что с 18–17 гг. до н.э. в Риме действовал упоминавшийся выше закон против прелюбодеяний, который предполагал суровое наказание за адюльтер для лиц

²¹ Kovács D. Liberalia in Ovid. Liber in the Roman Religion // *Sapiens Ubique Civis. Proceedings of International Conference on Classical Studies* (Szeged, Hungary, 2013) / Ed. by J. Nagyillés, A. Hajdú, G. Gellérfi, A. Horn Baroody, S. Baroody. Budapest, 2015. P. 311–317.

сенаторского и всаднического сословий²². Учитывая всадническое происхождение Овидия и его непочтительное отношение к данному закону, на которое в свое время обратил внимание М.М. Покровский, можно предположить, что неявно сформулированный поэтом концепт свободы, помимо прочего, имел вполне определенное политическое содержание, ориентировавшее молодое поколение римлян на сопротивление государственному вмешательству в их частную жизнь, — черте, унаследованной принципатом от республики.

Об этом также свидетельствует осознанная попытка литератора сблизить значения терминов “libertas” и “licentia” в «Метаморфозах». В девятой книге поэмы изложен миф о Библиде, дочери Милета, которая любила своего родного брата Кавна не так, как должно (*nes qua debebat* — *Met. IX. 455–456*). Терзаемая стыдом (*pudor* — *Met. IX. 515, 527, 531*) и страхом (*timor* — *Met. IX. 557, 569*), несчастная тщетно пыталась побороть страстное влечение к юноше (*Met. IX. 457–496*). Отыскав оправдание в примерах поведения богов — они не раз любили собственных сестер (*Met. IX. 497–501*), — она приняла решение в письме открыть возлюбленному свои чувства (*Met. IX. 515–517*). Важно, что, признаваясь Кавну в любви, Библида использует слово “libertas”, которое трижды предваряется однокоренным с “licentia” глаголом “licere”. Она пишет: нормы (*iura*) должны соблюдаться стариками; что дозволено (*liceat*), законно (*fas*), а что нет (*nefas*) — эти вопросы должны касаться только их; ее же и брата годам подобает легкомысленная Венера (*Met. IX. 551–553*). Им еще рано знать, что позволено (*liceat*), а что предосудительно, и поэтому они должны верить: можно всё (*cuncta licere*) — ведь это, в очередной раз подчеркивает Библида, доказывает пример богов (*Met. IX. 554–555*). После этих размышлений она сообщает, что у нее есть свобода (*libertas*) обсуждать с возлюбленным их тайные дела: ...*est mihi libertas tecum secreta loquendi...* (*Met. IX. 559*).

Библида поборола страх, а также отвергла *pudor* и нравственные законы, которые стояли на пути ее счастья, тем самым связав свое дерзновенное желание со свободой. По мнению Р.О. Смита, в приведенном пассаже героиня осознанно поставила знак равенства между *libertas* и *licentia*²³. Однако мы полагаем, что в дискурсе Овидия эти семантически близкие понятия все же имели вполне четкое различие и вывод о слиянии их значений не совсем справедлив. Подчеркнем: Библида в *тайном* письме (*littera arcana* — *Met. IX. 516*) го-

²² Токарев А.Н. О целях семейного законодательства Октавиана Августа // *Вісник ХНУ*. 2004. Вип. 36. С. 225–226; Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 446–449.

²³ *Smith R.A.* Op. cit. P. 50.

ворит о *потайных* чувствах (*celati ignes* — *Met.* IX. 516) и секретных делах, касающихся только ее и Кавна. Похожим образом выражается Елена, призывая Париса ухаживать за ней скрытно. В секретном письме она делится своей *тайной* (*arcantum* — *Her.* XVII. 265), при этом используя термин “*libertas*”, который два раза предваряется глаголом “*dissimula/dissimulare*” (скрывай/скрывать) и один раз наречием “*occulte*” (скрытно) (*Her.* XVII. 151–154). Отбытие Менелая дало влюбленным чуть больше свободы. Но до тех пор, пока они не раскроют обществу свои чувства, величайшая свобода (*maxima libertas* — *Her.* XVII. 153–154) им недоступна. Именно соблюдение скрытности определяло для Овидия отличие скромной *libertas* от дерзкой *licentia*, выражавшей более высокую степень свободы.

Возвращаясь к истории Библиды, можно заключить, что героиня впала в разнузданность только после того, как ее брат, верный *стыду* (*pudor* — *Met.* IX. 578), в гневе отверг несчастную и сбежал в далекие земли (*Met.* IX. 574–634). Тогда томимая скорбью влюбленная окончательно лишилась рассудка (*Met.* IX. 635–636) и в безумии (*demens*) *раскрыла* всем свои чувства (*Met.* IX. 638–639). Другими словами, она вынесла постыдный секрет, или тайную *libertas*, на всеобщий суд, тем самым превратив его в нахальное бесстыдство (*licentia*). После этого Библида, бросив родину (*patria*) и пенатов (*penates*), отправилась по следам своего брата (*Met.* IX. 639–640). Судя по всему, Овидий намеренно подчеркнул факт отречения девушки от *patria* и *penates* ради одолевшей ее страсти; о Кавне ничего подобного сказано не было, хотя он, согласно сюжету, тоже оставил свою родину. Финал истории печален: утомившись в пути, *несчастливая* (*infelix* — *Met.* IX. 632) пала на землю и, пустив по траве потоки слез, превратилась в ручей (*Met.* IX. 641–665). Так стыд (*pudor*) Кавна и его верность моральному закону погубили рискнувшую ради любви переступить через священные установления Библиду.

О разнице между понятиями “*libertas*” и “*licentia*” у Овидия также косвенно свидетельствуют несколько пассажей из созданных им в период ссылки «Тристий». Поэт со скорбью сообщает, что для его книги (*liber*), потомства (*genus*) и детей (*nati*)²⁴ нет места в атриум *Свободы* (*Atrium Libertatis*), т.е. в публичной библиотеке Азиния Поллиона (*Tr.* III. 1. 1–2, 71–74). Книга изгнанника, тайно побывавшая в Риме, была прогнана с порога библиотеки ее божественной хранительницей *Libertas* (*Tr.* III. 1. 1–71). Поэт, чьи *liberi/libri* были лишены

²⁴ Вероятно, подобный семантический ряд, в котором не хватает только слова “*liberi*” (дети), должен был напомнить читателю об истории Библиды. На это указывает то, что имя *Byblis*/*Byβλις* похоже на греческое слово “*βύβλος*” (книга), а Кавн и Библида были *liberi* из одной семьи; см.: *Smith R.A.* Op. cit. P. 51–52.

права оставаться в рамках общественного пространства, обратился к императору, величайшему богу (*maximus divus* — *Tr.* III. 1. 78), с просьбой допустить его творения хотя бы в частные дома (*privati loci* — *Tr.* III. 1. 79–80). Тем самым книга элегика, словно постыдная страсть, устремившаяся к «открытой» свободе (*licentia*) — в общественную библиотеку, — в конце концов была вынуждена скрываться от внимания широкой публики и искать спасения за стенами *privati loci* — в тайной *libertas*.

Обращение римских авторов к теме свободы, как правило, не обходилось без упоминания проблемы установления границ дозволенного. Вергилий, видевший в *libertas* опасный потенциал, предложил мысль о необходимости ее подчинения труду и добродетели (*Verg. Georg.* I. 121–159; II. 458–542; III. 165–169, 182–201)²⁵, указав при этом на тлетворную природу любовных страстей (*Georg.* III. 209–283)²⁶. Гораций отметил важность ограничивающих чрезмерную свободу законов и норм: *leges* сдерживают страсти воров, разбойников и злодеев (*Sat.* I. 3. 99–106); *iura* помогают избавиться от *страха* (*metus*) перед несправедливостью (*iniustus* — *Sat.* I. 3. 111). Использование Горацием терминов “*lex*” и “*ius*” кажется неслучайным. Как известно, в политическом дискурсе эпохи Республики закон и право являлись важнейшими спутниками и гарантами свободы. Дж.У. Рич и Дж.Х.К. Уильямс привели многочисленные примеры из римских источников, убедительно свидетельствующие о глубокой ценностной сопряженности категорий “*lex*”, “*ius*” и “*libertas*”²⁷.

В отличие от своих старших современников, Овидий явно симпатизировал проявлениям бесстыдства и, значит, не выступал за какое-либо ограничение свободы. Он, как и Библида, полагал, что любовное чувство (*amor*), а не стоящий на его пути диктат традиции или государства, должно иметь силу подлинного закона (*lex* — *Ars. Am.* II. 157–158; *Met.* X. 329–331). Отсутствие возможности следовать зову своего сердца элегик посчитал атрибутом рабства, выступив в «Лекарстве от любви» в роли освободителя (*assertor*), который дарует несчастным спасение/освобождение (*vindicta*) из ловушки неразделенной любви (*Rem. Am.* 73–74). Как известно, словом “*vindicta*” в Риме обозначался преторский жезл, которым *assertor* в соответствии

²⁵ Ценные соображения на этот счет высказала П.А. Джонстон: *Johnston P.A. Turnus, Horses, and “Libertas” // Vergilius. 2006. Vol. 52. P. 26–31.*

²⁶ *Морева-Вулик Н.В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб., 2000. С. 76–78, 155, 159–160.*

²⁷ *Rich J.W., Williams J.H.C. Leges et iura P.R. Restituit: A. New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. // The Numismatic Chronicle. 1999. Vol. 159. P. 185–186. О связи свободы и закона у Ливия см.: Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия — образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 3. М., 1994. С. 617–621.*

с юридическим ритуалом прикасался к рабу для его символического освобождения. Отметим, что тот же самый термин Овидий использовал в отношении молодой женщины, которая недавно получила развод, т.е. обрела свободу (*vindicta* — *Ars Am.* III. 615–616). Тем самым замужняя женщина выступила у поэта в роли рабыни, а придерживающийся суровых моральных норм муж приобрел образ тюремщика, препятствующего достижению свободы и, как следствие, счастья.

Овидий советует юношам не уподобляться строгому мужу и, прознав об изменах возлюбленной, не выдавать ей своего знания — позволить и дальше «грешить» (*Ars Am.* II. 538–558). Уличение дамы сердца в постыдной неверности ведет к тому, что ее вождение к своему любовнику только возрастает (*crescit*) и их связь становится крепче (*Ars Am.* II. 559–560). Поэт нарочито порицает Вулкана за то, что тот выдал богам тайную измену своей супруги Венеры с богом войны Марсом, о которой он узнал от бога солнца Сола (*Ars Am.* II. 562–588). Поступок неразумного божества — он и сам не раз признавал свою глупость (*stultus* — *Ars Am.* II. 591) — послужил укрепленю *бесстыдства*. Отныне все, что прежде хранилось в тайне, творится открыто/свободнее (*liberius* — *Ars Am.* II. 589–590). Однако о подробностях и конкретных проявлениях распространения разнузданности Овидий умолчал. Подытоживая историю, элегик с осуждения поступка Вулкана неожиданно перешел на порицание действий доносчика Сола. Рассказчик призвал не строить козней против влюбленных и не вскрывать их писем с *тайными* словами (*arcana verba*), при этом не совсем искренне признав такое право за законными мужьями (*Ars Am.* II. 593–600).

Таким образом, позиция Овидия по поводу связи свободы и закона, хотя и выраженная на бытовом уровне, оказывается гораздо ближе к взглядам Лукреция. Поэт-эпикурец смотрел на природу законов крайне пессимистично, полагая, что уставший от первобытного насилия человеческий род добровольно принес себя в жертву (*cecidit*) законам (*leges*) и стеснительным нормам (*arta iura* — *Lucr.* V. 1145–1147), которые с тех пор питают страх (*metus*) перед наказанием и отравляют радости жизни (*Lucr.* V. 1151). Следовательно, согласно эпикурейскому учению, законы и нормы в определенном смысле противостоят *libertas*, понимаемой как отсутствие всяческих страхов (*Cic. Nat. Deor.* I. 56), а также страданий тела и души (*D. L. X.* 131), т.е. как ключевая предпосылка счастливой жизни (*vita beata* — *Cic. Nat. Deor.* I. 53). Закон у Овидия похожим образом провоцирует *metus*, а реализация *libertas* означает выход за его границы, преодоление морально дозволенного и достижение через это лично-

го счастья. По всей видимости, в таком понимании закона проявилось негативное отношение Овидия, прежде всего, к семейному законодательству Августа, не соответствовавшему духу дорогой поэту современности. В связи с этим любопытна оценка элегика «Энеиды», заключившим, что из всего содержания эпической поэмы история *незаконной* любви (*non legitimus amor*) Энея и Дидоны вызывает у римского читателя наибольший интерес (*Tr.* II. 535–536).

Похожим образом Овидий обращается к проблеме свободы слова. Противостоя стыду (*pudor*), который не позволяет ему многое выразить (*Multa quidem ex illis pudor est mihi dicere... — Rem. Am.* 359), и суровой критике (*censura*) своих стихов со стороны читателей, посчитавших его Музу (т.е. поэзию) дерзкой/бесстыдной (*Musa proterva — Rem. Am.* 362–363), поэт заявляет о своем праве писать с вольной игривостью (*lascivia libera*) о нестесненной приличиями девушке Таиде (*Rem. Am.* 385–386). По его словам, каждому предмету должен соответствовать собственный стиль стиха: Ахилла не следует славить слогом Каллимаха, а о Кидиппе писать словами Гомера (*Rem. Am.* 381–382, 371–389). Если игривая (*iocosa*) Муза под стать избранной теме, то обвинение поэта в преступлении совершенно неправомерно (*Rem. Am.* 387–388).

Эта же идея отражена в «Фастах». Во время Флоралий, праздника в честь богини Флоры, матери цветов (*mater florum — Fast.* V. 183), по словам Овидия, в Риме царит бóльшая игривость/распущенность (*lascivia maior*), сопровождаемая более вольными шутками (*liberior iocus — Fast.* IV. 946; V. 331–332). Подобное поведение согласуется с природой богини, ответственной за душевный и телесный расцвет молодежи (*Fast.* V. 273–274). Она сторонится суровости и излишне серьезных речей, желает, чтобы ее праздник был открыт для всех, включая блудниц, и призывает наслаждаться цветущими годами (*Fast.* V. 349–353). Таким образом, распущенность в речах сама по себе не является пороком — хотя и в определенном контексте, но она имеет право на существование. Примечательно, что, характеризуя игры в честь Флоры, Овидий употребил прилагательное, которое ранее встречалось в связке с его Музой, — “*iocosus*” (игривый, шуточный): *Mater, ades, florum, ludis celebranda iocosis!* (*Fast.* V. 183). Неудивительно, что поэт особо остановился на возмущении Флоры неуважительным отношением к ней со стороны римских сенаторов/отцов (*Romani patres*), имевшим место в начале II в. до н.э. (*Fast.* V. 312–330)²⁸.

²⁸ Отметим, что один раз в трудах Овидия под понятием “*libertas*” подразумевается возможность критики чьего-либо поведения — причем с позиции общепринятой морали (*Her.* XV. 63–72). Однако в этом случае симпатии поэта явно не на стороне критика.

Наиболее близкой к политическому уровню проблема свободы слова поднимается у Овидия в связи с изображением последствий тех или иных высказываний. Старик Батт, попытавшийся раскрыть воровство Меркурия, был превращен преступником в камень (*Met.* II. 688–707)²⁹. Окироней своим искусством (*artes*) прорицания навлекла на себя гнев богов (*numinis ira* — *Met.* II. 633–675)³⁰. Сам Овидий, по его словам, поплатился изгнанием за собственные стихи (*Tr.* II. 345; III. 14. 5–6; *Pont.* I. 1. 12; II. 2. 104). Ссылный поэт пытался оправдать свои дерзости и уверить Августа в том, что он неприхотливо его восхвалял (*Pont.* I. 1. 27–28), — если бы только император уделил внимание его “*Ars Amatoria*”, он не нашел бы в ней ничего дурного (*Tr.* II. 239–240).

Важным примером опасности свободных речей при власти принцепса также может служить изложенный литератором в «Метаморфозах» сюжет о белом разговорчивом вороне (*corvus loquax*), поведавшем Аполлону о тайной измене его возлюбленной Корониды (*Met.* II. 534–600). Прознав о постыдной неверности своей избранницы, Аполлон пришел в ярость и стрелой пронзил ее грудь. Перед смертью Коронида успела сообщить ему, что ждала от него ребенка, чем вызвала его раскаяние, за которым последовал закономерный гнев на роковую птицу. Поэтому вместо награды за оказанную услугу ворон понес наказание: бог лишил его белого окраса (*Met.* II. 601–633). По заключению поэта, не уступавшего легендарным гусям ворона сгубил его собственный язык (*lingua* — *Met.* II. 538–541). Примечательно, что Феб, в отличие от Вулкана, не стал выносить постыдный грех (*crimen* — *Met.* II. 614) на осуждение публики и тем самым способствовать трансформации секретной свободы (*libertas*) Корониды в явное бесстыдство (*licentia*). Укреплению разнузданности он предпочел ее суровое подавление — убийством своей возлюбленной. На наш взгляд, этим сюжетом Овидий в очередной раз указал на опасность необдуманных речей в условиях официального господства *ridor* и презрения к бесстыдству, сообщив всем служителям Амура, что гораздо безопаснее и разумнее предаваться любви в форме секретной *libertas* и всячески избегать ее перехода в откровенную *licentia*. Вполне вероятно, что подобное опасливое отношение Овидия к вольным речам, как предположил П. Дж. Дэвис³¹, было вызвано нараставшими попытками императора контролировать социальную коммуникацию. В частности, из сообщений античных авторов

²⁹ Этот сюжет у Овидия в сравнении с содержанием гомеровского гимна «К Гермесу» подробно рассмотрел П. Дж. Дэвис: *Davis P.J. Freedom...* P. 194–196.

³⁰ *Ibid.* P. 193–194.

³¹ *Ibid.* P. 197.

известно, что при его правлении преследовались лица, порочившие в стихах и/или письмах доброе имя знатных римлян (Тас. *Ann.* I. 72. 4; IV. 21. 5; Suet. *Aug.* 55; Dio Cass. LVI. 27. 1–3).

Итак, Овидий относился к свободе в первую очередь как к возможности реализации сущностного с точки зрения элегического мирозерцания начала мироздания — чувственной и искренней любви. Согласно его взглядам, amor может быть проявлен как в скрытой и безопасной форме *libertas*, так и в более дерзкой и разнузданной *licentia*. Обе формы, помимо конкретного подхода к практике любовной страсти, включают в себя специфическую стратегию выражения суждения о ней — в виде тайного (*liber*) диалога и вызывающей всеобщее негодование (*licens*) речи.

Семантический анализ категории “*libertas*” в трудах Овидия показал, что явное недовольство элегика вызывали те черты принципата Августа, которые наиболее отчетливо сближали его с республиканской политической системой. Его не устраивал государственный контроль над частной жизнью, заменивший собой общественный и семейный надзор за нравами при Республике; и как часть этой же проблемы особое возмущение у литератора вызывало ограничение вольных речей, затрагивающих неприличные темы. Неконкретизированные Овидием *leges* и *iura* новой власти, воплотившие в себе строгие моральные императивы, не только не служили гарантами свободы, но, провоцируя *rudor* и *metus*, сурово ее подавляли и тем самым препятствовали достижению счастливой жизни. При этом, касаясь данной проблемы, элегик не призывал открыто саботировать порядки Августова правления. Выразив симпатию к публичной форме проявления страсти — «открытой» свободе (*licentia*), — Овидий вместе с тем предложил умеренную программу приспособления ветреного поколения к условиям идеологического давления политической системы, отдав предпочтение скромному и скрытому от чужих глаз любовному уединению в рамках тайной *libertas*.

References

Allen K. *The Fasti of Ovid and the Augustan Propaganda* // *The American Journal of Philology*. 1922. Vol. 43. N 3. P. 250–266.

Barchiesi A. *The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. 292 p.

Braccesi L. *Livio e la tematica d'Alessandro in età augustea* // CISA. 1976. N 4. P. 179–199.

Casali S. *Other Voices in Ovid's "Aeneid"* // *Oxford Readings in Classical Studies: Ovid* / Ed. by P.E. Knox. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 144–165.

- Chernyshov Yu.G. *Drevniy Rim: mechta o zolotom veke* [Ancient Rome: The Dream of a Golden Age]. Moscow: Lomonosov, 2013. 240 p.
- Davis P.J. *Freedom of Speech in Virgil and Ovid // Wordplay and Powerplay in Latin Poetry* / Ed. by P. Mitsis, I. Ziogas. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. P. 183–198.
- Davis P.J. *Ovid's Amores: A. Political Reading // Classical Philology*. 1999. Vol. 94. N 4. P. 431–449.
- Du Quesnay I.M., Le M. “*The Amores*” // *Ovid (Greek and Latin Studies: Classical Literature and Its Influence)* / Ed. by J.W. Binns. London: Routledge, 1973. P. 1–48.
- Galinsky K. *Avgustovskaya literatura i avgustovskaya “ideologiya”: peresmotr otsenok* [Augustan Literature and Augustan “Ideology”: Ongoing Reassessment] // *Shagi/Steps*. 2017. N 4. P. 151–167.
- Galinsky K. *Ovid's Metamorphoses and Augustan Cultural Thematics // Ovidian Transformations: Essays on Ovid's Metamorphoses and Its Reception* / Ed. by Ph. Hardie, A. Barchiesi, S. Ines. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 103–111.
- Gasparov M.L. *Ovidiy, ili Nauka dobroty* [Ovid, or the Science of Kindness] // *Poet i poeziya* [Poet and Poetry]. Moscow: RIPOL klassik, 2018. P. 302–366.
- Grimm E.D. *Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoy imperatorskoy vlasti* [Studies on the History of the Development of the Roman Imperial Power]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1901. 517 p.
- Holleman A.W.J. *Ovid and Politics // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1971. Bd. 20. N 4. P. 458–466.
- Johnston P.A. *Turnus, Horses, and “Libertas” // Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 20–31.
- Joseph T.A. *The Metamorphoses of “Tanta Moles”: Ovid, Met. 15.765 and Tacitus, Ann. 1.11.1 // Vergilius*. 2008. Vol. 54. P. 24–36.
- Knabe G.S. *Rim Tita Liviya — obraz, mif i istoriya* [Titus Livy's Rome: Image, Myth and History] // *Tit Liviy. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [Titus Livy. The History of Rome from Its Foundation]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1994. P. 590–655.
- Knox P.E. *Representing the Great Mother to Augustus // Ovid's Fasti: Historical Readings at Its Bimillennium* / Ed. by G. Herbert-Brown. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 157–174.
- Kovács D. *Liberalia in Ovid. Liber in the Roman Religion // Sapiens Ubique Civis*. Proceedings of International Conference on Classical Studies (Szeged, Hungary, 2013) / Ed. by J. Nagyillés et al. Budapest: ELTE Eötvös József Collegium, 2015. P. 307–319.
- Liveley G. *Ovid's Metamorphoses: A Reader's Guide*. London; New York: Continuum, 2011. 189 p.
- Mezheritskiy Ya. Yu. “*Vosstanovlennaya respublika*” *imperatora Avgusta* [Emperor Augustus’ “Restored Republic”]. Moscow: Russian Foundation for Science and Education, 2016. 992 p.
- Millar F. *Ovid and the Domus Augusta: Rome Seen from Tomoi // The Journal of Roman Studies*. 1993. Vol. 83. P. 1–17.
- Miller J. *Ovid and Augustan Apollo // Hermathena*. 2004–2005. N 177–178. P. 165–180.
- Moreva-Vulikh N.V. *Rimskiy klassitsizm: tvorchestvo Vergiliya, lirika Goratsiya* [Roman Classicism: Virgil's Works, Horace's Lyrics]. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo “Akademicheskij projekt”, 2000. 272 p.
- Moulton C. *Ovid as Anti-Augustan: “Met.” 15.843–79 // The Classical World*. 1973. Vol. 67. N 1. P. 4–7.

Otis B. *Ovid as an Epic Poet*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. 411 p.

Parry A. *The Two Voices of Virgil's "Aeneid" // Arion: A Journal of Humanities and the Classics*. 1963. Vol. 2. N 4. P. 66–80.

Pokrovsky M.M. *Ocherki po rimskoy istorii i literature* [Essays on Roman History and Literature]. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1907. 100 p.

Rich J.W., Williams J.H.C. *Leges et Iura P.R. Restituit: A. New Aureus of Octavian and the Settelement of 28–27 B.C. // The Numismatic Chronicle*. 1999. Vol. 159. P. 169–213.

Rudd N. *Lines of Enquiry: Studies in Latin Poetry*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976. 226 p.

Schmidt E.A. *The Meaning of Vergil's "Aeneid": American and German Approaches // The Classical World*. 2001. Vol. 94. N 2. P. 145–171.

Segal Ch.P. *Myth and Philosophy in the Metamorphoses: Ovid's Augustanism and the Augustan Conclusion of Book XV // The American Journal of Philology*. 1969. Vol. 90. N 3. P. 257–292.

Sharrock A.R. *Ovid and the Politics of Reading // Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. 1994. N 33. P. 97–122.

Shumilin M.V. *Politicheskiy kontekst rimskoy poezii* [Roman Poetry's Political Context] // *Shagi/Steps*. 2015. N 1. P. 213–222.

Smith R.A. *Books in Search of a Library: Ovid's "Response" to Augustan "Libertas" // Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 45–54.

Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1939. 592 p.

Tokarev A.N. *O tselyach semeynogo zakonodatel'stva Avgusta* [On the Purposes of Augustus' Family Law] // *Visnik Harkivs'kogo natsional'nogo universitetu*. 2004. Vol. 36. P. 222–231.

Usov D.A. *Liber i libertas v proizvedeniyach Goratsiya* [*Liber and libertas in Horace's Writings*] // *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 2020. Vol. 47. N 3. P. 472–481.

Von der Osten D.E. *The Cult of the Goddess "Libertas" in Rome and Its Reflection in Ovid's Poetry and Tibullan Love Elegy // Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 32–44.

Vulikh N.V. *Ovidiy i Avgust // Vestnik drevney istorii*. 1968. N 1. P. 151–160.

Vulikh N.V. *Poetika bez poezii (k opyту postroeniya poetiki "Tristiy")* [Poetics without Poetry (Attempting at Constructing Poetics of *Tristia*)] // *Voprosy literatury*. 1985. N 7. P. 176–191.

Williams G.W. *Change and Decline: Roman Literature in the Early Empire*. Berkeley: University of California Press, 1978. 352 p.

Поступила в редакцию
11 мая 2021 г.